

ЛАГЕРНАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА: ПОЛЯРНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ В. П. СОКОЛОВА И С. С. МИЛОСЕРДОВА

А. В. Дубинин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Аннотация: актуальность исследования обуславливается обращенностью автора к материалу малоизученной лагерной поэзии второй половины XX века. Впервые сопоставляются творческие пути двух поэтов одного поколения В.П. Соколова и С.С. Милосердова. Целью работы является выявление причин идейного и поэтического антагонизма этих авторов. На основе биографического метода исследуется генезис и специфика их художественных концепций.

Ключевые слова: лагерная литература XX века, поэзия, Валентин Соколов, Семен Милосердов.

Abstract: the acute character of the research is determined by the author's reference to the prison poetry of the second half of the 20th century. For the first time the artistic ways the two poets of one generation, V. P. Sokolov and S. S. Miloserdov are considered. The aim of the paper is to identify the reasons for ideological and poetic antagonism of these authors. The author studies the genesis and the peculiarity of their artistic concepts on the basis of the biographical method.

Key words: prison literature of XX century, poetry, Valentin Sokolov, Semyon Miloserdov.

В начале 1990-х годов в литературоведении резко возрос интерес к лагерной литературе. На первый взгляд этот пласт творчества может показаться достаточно однородным по своей тематической и идеологической составляющей. Однако, при более детальном рассмотрении возможно получить весьма интересные результаты, свидетельствующие не только о разнообразии лагерной литературы, но и, порой, полярности творческих решений, оценок и тематических ракурсов. Это наглядно отражено в лагерных стихотворениях В.П. Соколова (1927–1982) и С.С. Милосердова (1921–1988). Если сравнить творчество этих поэтов, окажется, что их идейные константы, как и способы художественного мировосприятия, вступают в неразрешимые противоречия. В данной работе мы стремимся проанализировать особенности лагерной поэзии обоих поэтов и выявить причины такого антагонизма, исследовать основные тематические пласты, характерные для их творчества. Такой подход позволяет наиболее полно отразить полярность художественных поисков и решений авторов.

В воспоминаниях о прошлом, написанных уже в заключении, жизнь до лагеря представляется поэтам некой «идиллией», где не слышен ещё «замочный скрежет каземата». Ощущения лирических героев схожи по общему тону произведений. Однако уже здесь намечаются радикальные различия в самоощущении и дальнейшей эволюции поэтов-заключенных. У С. Милосердова акцент делается на политические

мотивы. Его лирический герой ещё молод, но уже обладает гражданским самосознанием:

*Как же так случилось?
На Тверском бульваре
я, Литинститута
молодой студент,
плакал от восторга,
презирал Бухарина,
а теперь враждебный
сам вот
элемент...*

(«Отобрали волю») [1, 91]

Раннее мироощущение Соколова кардинально отличается. Его герой — тонкий лирик. Зрелый же поэт относится к нему с небрежной снисходительностью, изображая его внутренний мир при помощи клишированных будто бы романтических концептов: «золотые акварели», «лунный свет», «пение соловья»:

*Я писал, когда был юным
Золотые акварели,
На которых в свете лунном
Соловьи о счастье пели.*

(«Я писал, когда был юным...») [2]¹

Вскоре в творчестве Соколова романтические «золотые акварели» сменяются мрачными картинами лагерного быта, тоски, не находящей выхода. В этой резкой перемене настроений выразится вся сложность судьбы поэта. Контраст виден довольно отчетливо в описании лагеря и его обитателей:

¹ Система знаков препинания в стихах В. Соколова авторская.

*Там на вахте мерзнут трупы,
А в столовой, в миске супа,
Взглядом жадным ищут круп
Человек больной и черный,
Скорбной мыслью омраченный
Полутруп.*

(«Здравствуй, зона!») [3]

Использование гротескных образов (отождествление осужденных с трупами) служит маркером авторского восприятия лагеря. Поэт стремится передать ужас ГУЛАГа, отчаяние, которое испытывает лирический герой. «Вечный узник» Соколов видел свое поэтическое предназначение в том, чтобы изобразить исправительную систему изнутри и передать это послание потомкам.

Описание лагеря у Милосердова выглядит не столь ярко. Его лагерь — это, прежде всего, замкнутое пространство, некий вакуум:

Тут серой краскою дни перепачканы.

Тайга. Увалы. Да валуны.

*До перебреха в селе собачьего
отсюда дальше, чем до луны.*

(«Когда нет писем») [1, 101]

В данной строфе Милосердов обращается к описанию природы. Она изображается скупой, схематично, будто случайно вводится автором в ткань произведения, что позволяет достичь высокой точности в передаче ощущений лирического героя. Необходимо отметить, что природа занимает одно из ключевых мест в тематическом поле Милосердова, поэтому использование такого романтического приема здесь отнюдь не случайно. Это уже не гипертрофированно мрачные, пугающие образы Соколова. Милосердов направляет взгляд читателя «в сторону» от человеческих страданий, за пределы зоны. Благодаря этому ощущение замкнутости лагерного пространства в итоге смягчается, передается не так отчетливо, несмотря на то, что два последних стиха приведенного четверостишия содержат явное указание на духовное и физическое здоровье, изолированность героя.

Наиболее ярко различие идейных ориентиров Соколова и Милосердова проявляется в их отношении к существующему государственному устройству. В частности, к лагерной администрации. Милосердов достаточно отчетливо обозначает свою позицию в стихотворении «Обмолвка», где лейтмотивом является тема взаимоотношений поэта и власти:

Обожгла

запрещенная в лагере фраза:

— Как, товарищи, ваши дела?

*Был начальник с лесоповала,
нарушая запрет и режим.*

*Нас обмолвка его взволновала
сокровенным смыслом своим.*

(«Обмолвка») [1, 95]

В советских лагерях обращение «товарищ» по отношению к осужденному означало, что он реабилитирован и готов стать полноправным членом общества. Семен Милосердов был убежден, что его арест — всего лишь досадная ошибка. Он всю жизнь был верен установкам правительства и не менял своих взглядов даже в годы заключения. Темы государственности и идеологии присутствуют и в более поздних его стихах.

Валентин Соколов, напротив, являлся открытым противником существующего строя. Стихи были его оружием борьбы с официальными государственными структурами:

Обличал тузов партийных –

Бюрократов и глупцов,

Отвертительно противных

Человекожеребцов.

(«Я не вождь...») [4]

Писатель и эссеист А. Истогина, исследовавшая биографию и творчество Соколова, писала о нем: «Ничто не могло смягчить его неприятия. В юности понял он, что такое Сталин, и даже Ленин, что такое система в целом, растоптавшая человека. Он знал уже тогда, что "страшная страна" — это не Россия, а СССР, видел все "без очков и без бинокля" и писал об этом всю жизнь — в тюрьме и на воле, прямо и резко, а потому был ненавидим режимом до конца» [5].

Гораздо красноречивее, чем стихи, за поэта говорит его биография. Сведений о его жизни сохранилось крайне мало, в разных источниках они не совпадают, поэтому мы приведем лишь даты и краткие факты.

Валентин Соколов родился 24 августа 1927 года в городе Лихославле Калининской (ныне Тверской) области. Окончил Московский институт стали и сплавов. В этот период были написаны первые стихотворения. В 1948 году проходил службу в 240-й гвардейской минометной дивизии, тогда же получил свой первый срок за стихи. Это и стало отправной точкой для всей судьбы поэта. Второй арест (29 мая 1958 года, якобы на 15 суток — по Указу «Об ответственности за мелкое хулиганство») превратился в 10 лет — так решил Ростовский областной суд 29 августа 1958 года. В Дубровлаг Соколов прибыл 13 октября 1958 года. Эти годы особенно насыщены стихами. Выйдя из лагеря 31 августа 1968 года, Соколов поселился в Новошахтинске. Работал на шахте помощником стволового. В 1970 году, на одном из собраний обругав начальство, получил год, а 24 октября 1972 года Ростовским же судом приговорен к 5 годам лишения свободы.

По окончании срока Соколов отказывается от советского паспорта и требует выезда в любую страну, что расценивается как заболевание. Поэта помещают на принудительное лечение в психиатрическую больницу города Черняховска (Калининградская область), а потом Новошахтинска (Ростовская

область), где 7 ноября 1982 года Валентин Соколов умирает от инфаркта.

Наиболее емкое отношение Соколова к администрации исправительных учреждений выражено в следующих строках:

*Вокруг меня тесней сдвигались стены,
И надзиратель царствовал в стране.*

...

*Он страшен был... На морде протокольной
Клеймо цинизма шлепнула тюрьма...*

(«Я не вождь...») [4]

Как видно из текста стихотворения, под «надзирателем» подразумевается руководство страны. Данный эвфемизм, а также употребление ругательной и просторечной лексики четко обозначают позицию Соколова по отношению к официальной власти.

Различия в тематических векторах стихотворений Милосердова и Соколова коренятся настолько глубоко, что даже любовная тема раскрывается у поэтов абсолютно различно. Если возлюбленная Милосердова — чистый, светлый идеал, донкихотовская «дама сердца», ради которой лирический герой переносит все страдания,

*Что же держит на земле
столько горьких лет?*

*Не затерянный во мгле
глаз любимых свет,*

(«Свет») [1, 104]

то любовь Соколова трагична. В его стихах романтический образ возлюбленной уступает место «гуляющей женщине», растворяясь в его «годах без надежды»:

*На сотнях сумрачных дорог
Любви не встретил настоящей
И что для девушки берег,
Все отдал женщине гулящей.*

(«На сотнях сумрачных дорог») [2]

Одной из «сумрачных дорог» для Соколова стала воля. Из своих пятидесяти пяти лет жизни тридцать пять он провел в тюрьмах и закрытых психиатрических лечебницах. Поэт почти не знал большого мира за колючей проволокой, он пугал его. Страхом и отчаянием пронизаны стихи о воле. Это — Москва глазами «временного отпущенника», как называл себя поэт, не сомневаясь, что «сядет» снова:

Страшно тут и пусто тут

Ветры чёрные метут

Ветры чёрные цветут

Тут.

(«Страшно тут...») [3]

Соколов с горечью осознает, что в нормальной жизни для него уже нет места. Он противопоставляет себя официальному обществу, изображая лирического героя на фоне «московской толпы»:

*Теперь они совсем в других обличьях,
В костюмах новых, в шляпах и пальто,*

*А я, одетый менее прилично,
Для них для всех ничтожное ничто.
(«Вот я на воле») [2]*

Это была «советская действительность», та самая, основы которой Соколов всю жизнь пытался пошатнуть своими стихами. Она же стала для Семёна Милосердова его творческой платформой, на которой он впоследствии сумел раскрыть свой талант.

После лагеря Милосердов возвращается на свою малую родину, в Тамбов. Работает журналистом в одной из газет, пишет стихи, активно публикуется в местной печати, участвует в литературной жизни области. Воля была для Милосердова не абстрактно-иллюзорным миром, каким мы видим ее у Соколова. Она имела четкие очертания, была насыщена вполне конкретными деталями. Воля по Милосердову — это «хлеб в мешке холщовом», «даль и рощи Притамбовья». Лагерь все же наложил свой отпечаток на личность поэта:

*О, мне бы только позабыть
замочный скрежет каземата
и широко глаза раскрыть,
и ветер обнимать, как брата!*
(«Без конвоира») [1,105]

Но в стихах Милосердова остается место для новой, счастливой жизни. Перенесенные страдания не сломили его, не отняли способности чувствовать прекрасное:

*Мгновенья осени ловлю,
внимаю крикам журавлиным.
И все никак не утолю
тоску по рощам и долинам.*
(«Без конвоира») [1,105]

Гармония с миром обретается через тесную связь Милосердова с природой. «Присягнув когда-то берегам, Семен Милосердов присягнул всему, что связано с Родиной» [6, 235], — отмечает Л.В. Полякова в статье о поэте. «Полный восхищения и света», Милосердов вступает в новую жизнь, которая была наполнена «ощущением праздника, песен, труб и знамен...». Он не противопоставит обществу, а наоборот, ощущает себя его частью. Своими стихами поэт помогает народу вступить в «завтрашний день», который видится ему весьма оптимистически:

*...и есть у нас на будущее
сметы,
и планы продолженья штурма
неба.*
(«Все улицы распахнуты для смеха») [6, 53]

Милосердов говорит о будущем восторженно, с гражданским пафосом. Народ, победивший в Великой Отечественной войне, прошедший тяжелый путь становления государственности, способен на многое:

*Идем вперед, оберегая
и сон детей, и яблонь рост.
И, горизонты раздвигая,
несем на лицах отблеск звезд.*
(«Мальчишка, был я опечален») [6,30]

Валентин Соколов видит будущее в своем ракурсе. В 1956 году, в заключении он напишет стихотворение, явившееся результатом его размышлений о судьбах своего народа, где предрекает конец существующего режима:

*Долго ли тьму нам терпеть?
Я отвечаю вам: да.
Будет ли небо светлеть?
Я отвечаю вам: да.*

*Мы ль переделаем свет?
Я отвечаю вам: нет.
Мы ли приблизим рассвет?
Я отвечаю вам: нет.*

(«Долго ли тьму нам терпеть?») [2]

Соколов чувствовал, что не доживет до конца «века ЧК и партбилетов». Позже, в 1961 году он пишет:

*То, что вас уничтожит
Заложено в вас самих
Вот почему, Боже,
Стал я отныне тих.*

(«То, что вас уничтожит») [2]

Жизненный итог, подводимый Соколовым, неутешителен. Его лирический герой уже не бесстрашный бунтарь-одиночка, борющийся с несправедливостью. Теперь это «старик», одолеваемый «повседневными кошмарами» прошлого и настоящего:

*Вот теперь я старый-старый
С головы свисает плесень
Повседневные кошмары
Стали в центр свободных песен.*

(«Я писал, когда был юным») [2]

Эти строки написаны в 1956 году: Соколову тогда было всего двадцать девять лет.

Судьба Семёна Милосердова сложилась иначе. Это сказывается на рефлексии лирического героя. Он осмысливает заключение по-своему:

*Не таю обиду, не таю
На деревья в лагерном краю.
(«Не таю обиду») [1, 105]*

Это стихотворение наиболее емко отражает сущность творчества и личности тамбовского поэта. Стойкость, умение радоваться жизни, неиссякаемая надежда на лучшее как жизненный принцип поэта:

*И сегодня я благодарю
Каждую светившую зарю.
(«Не таю обиду») [1, 106]*

Милосердов прожил долгую трудную жизнь. Он воевал, был дважды ранен и уже после войны попал в лагерь. Но в его стихотворениях нет жалоб на судьбу. Он сумел пронести через годы способность радоваться простым вещам. У поэта «ненасытные очи: / Все им мало земной красы — / Света августа, звездной ночи, / Луга, мокрого от росы» [7, 34].

Соколов представлял собой классический образ борца с режимом. Позже некоторые современники

даже объявили его «патриархом поэзии ГУЛАГа». «Я не знаю другого такого последовательного антисоветчика, как Соколов», — вспоминал впоследствии Андрей Синявский, познакомившийся с ним в орловской тюрьме. Александра Истогина в статье о поэте пишет: «У Валентина Соколова не было ни стола, ни архива — он раздаривал стихи, они переписывались, запоминались, пересылались на волю, так или иначе распространялись, хранились» [5]. Его стихи нелегально переправлялись на Запад и публиковались, в то время, как сам поэт сидел в тюрьме. Для западной общественности они были средством создания политического резонанса в борьбе против коммунистической идеологии.

Творчество Валентина З/К (так подписывал Соколов свои стихи) в художественном отношении неровно, однако оно стало неотъемлемой частью русского литературного процесса XX века.

В отличие от Валентина Соколова, Семен Милосердов нашел свое место в советской литературе. Сборники его стихов издавались в Москве, Тамбове и Воронеже. Он был членом Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР, основал литературно-творческое объединение «Радуга», которым руководил до конца своих дней.

Милосердову свойственно романтическое мироощущение. Тамбовский поэт Аркадий Макаров писал о нем — «Семен Семенович был романтиком с головы до пяток» [8]. Он любил жизнь. Любил жить. Об этом говорят уже названия его сборников: «Ржаные венки», «Люби меня, люби», «Зори степные», «От солнца до ромашки», «Волшебница», «Земной простор», «Присягаю березам». «Сам жизнелюб и великий труженик, Семен Милосердов любил людей жизнерадостных, добрых, работающих» [9, 237], — уточняет Л. Полякова.

*И свет во все концы,
И хлеб во все концы...
И я иду по рубчатому следу,
Веселые шоферы-удальцы
— Садись! — кричат. — Куда?
— Навстречу лету.
(«И свет во все концы...») [7]*

Милосердов не жалел ни о чем, он до конца был верен своему поэтическому предназначению. «И сегодня я благодарю / каждую светившую зарю», — писал он, оглядываясь на пройденный жизненный путь.

Идейный антагонизм поэзии С.С. Милосердова и В.П. Соколова исходит, прежде всего, из различий их идеологических позиций, которые в дальнейшем определили судьбы поэтов. Единственное, что их объединяет, — это лагерные страницы биографии. Интерес представляет то, как по-разному Милосердов и Соколов восприняли заключение, и как это отразилось на их судьбе и творчестве. По сути, они являли собой два полюса ведущейся

в литературе второй половины XX века идеологической борьбы, которая в свою очередь определялась во многом личностными качествами ее представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милосердов С.С. Белые колокола / С. С. Милосердов. — Воронеж, 1991.
2. Соколов В.П. «Вот я на воле», «Долго ли тьму нам терпеть?», «На сотнях сумрачных дорог», «Я писал, когда был юным» / В.П. Соколов. – Режим доступа: <http://survive.kudin.org/content.htm>. Андрей В. Кудин «Как выжить в тюрьме». – Режим доступа: <http://survive.kudin.org/prisonrec1.htm>
3. Соколов В.П. «Здравствуй, зона!», «Страшно тут...» / В.П. Соколов. – Режим доступа: <http://tarzanissimo.livejournal.com//livejournal.com//> Режим доступа: <http://>

tarzanissimo.livejournal.com/96101.html.

4. Соколов В. П. «Я не вождь...» / В. П. Соколов. – Режим доступа : // <http://magazines.russ.ru>. Журнальный зал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/so2.html>
5. Истогина А. Я. / А. Я. Истогина. – Режим доступа : <http://survive.kudin.org/content.htm>. Андрей В. Кудин «Как выжить в тюрьме». – Режим доступа: <http://survive.kudin.org/prisonrec1.htm>
6. Милосердов С. С. Красное лето / С. С. Милосердов. — Тамбов, 1962.
7. Милосердов С. С. Земной простор / С. С. Милосердов. — Воронеж, 1980.
8. Макаров А. В. Мужик Семен / А. В. Макаров // Тамбовская жизнь. — 2008. — 2 апреля.
9. Полякова Л.В. Тамбовская магистраль русской литературы / Л. В. Полякова. — Тамбов, 2011.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Дубинин А. В., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
E-mail: klop68@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Dubinin A. V., Post-graduate Student of the Russian and Foreign Literature Department
E-mail: klop68@mail.ru